

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 6 июня 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 6 de junio de 1987 No. 1923

НА РОДИНЕ

Х В А Т И Т Л Ж И

Читатели "Нашей Страны" постоянно присылают по адресу газеты самые разнообразные материалы, иногда чрезвычайно интересные. Зачастую — это вырезки или фотокопии из разных газет и журналов со всего мира. Не всегда все эти материалы редакция и ее сотрудники могут использовать прямо для газеты, но, даже и в таких случаях, они для нее весьма полезны. В большинстве случаев нет физической возможности ответить и поблагодарить лично этих читателей за присылаемые ими материалы, ввиду чего, настоящим приписится всем им общая благодарность. Да иногда и ответить было бы невозможно, так как некоторые материалы приходят в конверте без обратного адреса и без всякого сопроводительного письма.

Редакция хочет познакомиться своих читателей с содержанием двух таких полученных ею материалов. В первом случае — это фотокопия страниц 4, 5 и 6 "Крокодила" от ноября 1986 года. Во втором — это оригинальные страницы 3, 4, 5 и 6 из некузанного советского журнала.

К сожалению, читатель, приславший эти страницы из советского журнала, не пометил на полях его название, номер и число.

МЕРТВАЯ УБИЙСТВЕННАЯ СХЕМА

В статье Леонида Лиходеева "Принципы и вериги", в "Крокодиле" от ноября прошлого года, разбираются отклики читателей на фельетон того же автора "Неравноправный огурец". Как эти отклики, так и комментарии на них автора, дают полную и яркую картину "развитого социализма".

Вот некоторые из этих откликов: "... С 10 до 19 лет я прожила в Ленинграде и никогда досыта не ела ни фруктов ни ягод. И даже когда стала самостоятельным человеком, вышла замуж, я не всегда могла позволить себе эту роскошь... Теперь я живу на юге, у меня здесь много родственников, и почти у всех сады... Казалось, юг, всего должно быть навалом. А магазины пустые..."

Пенсионер В. сообщает, что "за пятнадцать лет в его городе магазин продавал абрикосы не то два, не то три раза". Этот же пенсионер В. сообщает, что "как-то он прочитал в газете, в рубрике "Неизвестное об известном", страшную новость. Оказывается, триста лет тому назад абрикосы возили из наших мест в Рим! Это в век пароконных повозок и парусников!"

По этому последнему поводу, автор фельетона в "Крокодиле" острит: "Поскольку в те далекие времена еще не существовали промежуточные плодовоощные конторы,

надо полагать, перевозкой плодов на такие расстояния занимались хамоватые парни. Почему они торговали на развалах Вечного города сказать трудно. Прокурорские протоколы о спекуляциях и нетрудовых доходах не сохранились, а римляне в те отдаленные времена не писали острых сигналов. Впрочем, возможно, что легионеры-карабишеры не были еще настолько сознательны, чтобы опрокидывать на мраморные плиты корзины по указанию принципиальных стратигов и архистратигов. Но время не стояло на месте, появились плодовоощные ведомства, и теперь древний Рим, должно быть, сидит без абрикосов".

Один читатель из Астраханской области поясняет: "Вспоминаю время, когда принуждали сдавать своих коров. К чему это привело, испытал на себе. Я тогда тоже сдал корову, а сейчас моя жена стоит в очереди за молоком".

Из Владимирской области пишут: "Я давно не живу в г. Каменке-Днепровской, но там живут мои родители: отец пчеловод, мать пенсионерка. С утра до вечера, с января до сентября, они трудятся на огороде. Мы, молодые, удрали от этого труда, так как всё здоровье теряешь на нем. Но вот находятяся люди, которые так и сяк склоняют таких вот тружеников, называя их спекулянтами. По распоряжению местных властей у огородников обрезают участки, на дорогах стоят милицейские посты и не разрешают вывозить продукцию..."

Заключения, которые по поводу подобных высказываний делает автор статьи в "Крокодиле" заслуживают внимания:

"В нескольких письмах говорится о частнике, то есть о хамоватом парне, весьма резонно: он покупает всё по государственной цене, а свой продукт продает по частной. Видите ли, если бы всё можно было купить по государственной цене, не удалось бы торговать по частной. По государственной цене дешево потому, что государство доплачивает, чтобы мы платили поменьше. А откуда оно берет чтобы доплачивать? А берет оно из нашего же кармана, потому что государство — это мы с вами. ...Надо менять мышление. Надо перестать врать самим себе... В чем же дело? А дело в противоречивости, противосмысленности схеме, при которой труд человека оплачивается вне зависимости от того, хорошо он работает или плохо. И что человеку сызмальства внушают, что всё вокруг принадлежит ему вообще и ничего — в частности... У нас есть принципы, которыми... сыт не будешь... Надо учиться торговать. Надо выводить торговлю из подполья... Мы себе вбили в голову, что пока у нас временные труд-

ности". Неужели не видно, что это выгодно только тем, кто на этом наживается?"

Статья в "Крокодиле" заканчивается следующим образом:

"Мы не можем собрать выращенного потому, что пытаемся сделать это не по правде жизни, а по неуклюжей мертвой убийственной схеме... Жизнь ведь, по сути дела, прекрасна и удивительна. Неужели мы взяли на себя обет простоять ее в очередях?"

ПОНЯТАЯ СИМВОЛИКА

В номере советского журнала, из которого нам прислали четыре страницы, содержится статья писателя Бориса Васильева о фильме Тенгиза Абуладзе "Покаяние" (в этом же номере имеется статья посвященная "памяти Андрея Тарковского").

Борис Васильев пишет: "Я прозрел, увидев фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние"... Фильм исполненный скорби, искренности, веры и мужества. Фильм явившийся для меня прозрением в нашей сегодняшней жизни и в нашей истории, в нашей вере и в нашей безверии, в нашей отваге и в нашей трусости, в причинах всего этого и породивших их следствиях. Это фильм о том, как всё убивали. Людей, совесть, дружбу, честь, достоинство, талант, добро... В центре фильма "Покаяние" — человек, которого зовут Варламом Аравидзе. Это имя ничего не говорит нам, и тем не менее мы безошибочно узнаем его. Он узнаваем по зловещей общности всех диктаторов. Им в равной степени присуща ненависть к культуре и страх перед нею... Они без исключения — обещают рай своему народу, их общая сила — в демагогии, а демагогия и есть отсутствие нравственного стыда..."

"... В фильме то и дело возникают храмы. О них говорят и спорят... их пытаются спасти, их взрывают... Храм "Покаяния" лишен религиозной окраски: это храм духа человеческого, храм народной правдивости, народной памяти, народной мудрости. Средоточие красоты, связь времен прошлых с временем грядущим. Реальный храм с реальными фресками, который реально пытаются спасти, незаметно превращается в символ: мракобесие не внутри храма, а снаружи, и взрывает оно не просто церковное здание, а саму веру народа..."

Читая это место в рецензии о современном советском фильме, в памяти невольно всплывает воспоминание о передовице в "Нашей Стране", с названием тоже говорящем о символическом. Действительно, в № 1543 "Нашей Страны", от 28 сентября 1979 года, в редакционной передовице под

названием "Победоносная символика", передавалось содержание передовицы выходившей в Буэнос Айресе словацкой газеты "Наша земля" под названием "Непонятая символика". Редактор этой словацкой газеты, Иосиф Вазар, в ней заявлял, что "как древний Израиль во время вавилонского пленения имел своей символической задачей восстановить храм Соломона, так и сегодняшняя Россия имеет своей символической задачей восстановить храм Христа Спасителя в Москве... взорванный динамитом 5-го декабря 1931 года".

Спустя почти что 8 лет после этой передовицы в "Нашей Стране", оказывается, что "непонятая символика", о которой писала словацкая газета, сегодня в России — понятна. Возвращаемся к статье Бориса Васильева:

"Гремит взрыв, оглушая всех: Варламом Аравидзе взорвал ХРАМ. И здесь для меня символ переплетается с реальностью в единую вязь: я вспоминаю другой храм, взорванный в другом городе по другому приказу. Некогда он возвышался над Москвою-рекой, венчая собой бульварное кольцо. Храм Христа Спасителя был памятником Отечественной войны 1812 года, строился на добровольные пожертвования, а в коридоре, что опоясывал грандиозное здание, на мраморе запечатлены были важнейшие события войны и имена павших в боях героев. ИМЕНА. Это был Вечный огонь благодарной памяти народной спасителям Отечества нашего, но реальный Варламом Аравидзе развеял в прах и память, и благодарность, и имена героев... Так фильм смыкается с фактом, но идет дальше, вскрывая причины и следствия планомерного уничтожения храмов на нашей земле, храмов в нашей культуре и храмов в каждом из нас..."

"Превратив церкви в керосиновые лавки, склады, а то и просто в отхожие места, разместив в монастырях тюрьмы и колонии, мы вдруг спохватились и начали спасать уцелевшее. Но спасали лишь здания, а потому и воскресили их декорацию, на фоне которой ряженные в стиле "рюсс" молодцы и девицы изображают русское гостеприимство за иностранную валюту. Место национальной самобытности занимает ныне безвкусная и дурно отрелетированная стилизация..."

В конце статьи всплывает основная причина этой нашей национальной катастрофы. Оказывается, что это та же самая причина, которая вызвала и катастрофу хозяйственную: система лжи. Сиречь идеология:

"Ложь стала нормой жизни... Фильм Абуладзе — набат, взывающий ко всеобщему покаянию, к нашей гражданской совести: хватит! Хватит лжи, хватит холопства, хватит трусости..." *

БИБЛИОГРАФИЯ

Вера Андреева. "Эхо прошедшего" (Москва, 1986).

Читая сочинения эмигрантов, вернувшихся в СССР, первым делом себя спрашиваешь: "Как он дошел до жизни такой?" В данном случае, скорее всего, — безвинно. Из текста мемуаристки видно, что она перед второй мировой переехала из Франции в Чехословакию, где ее, вероятно, и захватила советская оккупация. Ну, а там уж, как гласит норвежская поговорка: "На чужой лодке едешь, того и песенку поешь!" Поэтому не будем строго осуждать писательницу за гадкие выпады по адресу белой эмиграции (вплоть до насмешек над бедностью и нуждой! а ими можно только гордиться...), за подхалимские восторги советскими фильмами ("Цирк", "Веселые ребята", "Путевка в жизнь"), ни даже за грязное богохульство в одном месте, на стр. 317 (плюхо гармонирующем с общим тоном повествования). Кто знает: ее могли и заставить сии перлы включить...

Книга делится на две части: воспоминания детства, "Дом на Черной Речке", и их продолжение, "Эхо прошедшего", именуемое почему-то *романом* (причем похоже, что сделаны сокращения чужой рукой, в силу чего не всегда все понятно).

Дочь Л. Андреева, автор благоговет перед памятью этого посредственного, в сущности, писателя, имевшего, в свою эпоху, бльший успех, чем он того заслуживал. Поскольку семья их жила в Финляндии, они счастливо оказались вне пределов досягаемости советской власти; а потом, в поисках лучшего устройства, кочевали по всей Европе (после уже ранней смерти самого Л. Андреева): Германия, Италия, Франция, Чехословакия... Курьезно, что острая тоска героини рассказа по родине относится, на деле, не к России, а к Финляндии! Поскольку она вспоминает не народ и не культуру, а именно природу: леса, озера, морское побережье... И однако, ведь финское государство не являлось запретным или недоступным для эмигрантов, как советская Россия: туда, при большом желании, можно было поехать, и даже там остаться...

Отметим, что финские местные названия под пером сочинительницы то складываются по законам русской грамматики, как *Раухаранта*, *Териоки* (из Раухаранта, из Териок), то остаются отчето-то несключаемыми, как *Нейвола*, *Куоккала* (в Нейвола, вместо в Нейволе; а ведь мы же говорим в Меххине, в Гренаде).

Семья у Веры была несколько странная, не совсем похожая на среднюю интеллигентскую. Бабушка по отцу настолько серая, что говорила *ливерный лакей*, вместо *ливерный*, и *фаршированная телеграмма*, вместо *шифрованная*; видимо, не намного более культурная тетушка, которая пела: "Ты уйдешь с толпой цыганок, закинит кажачий бой..." или "Нет чайки прелестной; она умерла трепетно в камышах". Отец всюду даж как бы в отдалении, а мать... похоже, мало симпатичная была женщина: "Холодный взгляд маминих черных глаз обладал такой выразительностью, что замораживал самое буйное веселье".

Кое-что ощущается все-таки при чтении общего и с моим, например, детством, несмотря на разницу в десяток с лишним лет. Прежде всего, — книги, в мире которых живет изображенная здесь девочка и ее

двое братьев: романы Хаггарда (почему-то называемого у нее *Хаггарт*). Луи Буссенара, Купера, Жюль Верна и Майн Рида (списки легко дополнить воображением); Дж. Лондон и А. Дюма упомянуты, в первую очередь, как любимые книги также и их отца.

Любопытны вспоминаемые ею *хабясы*, загадочный и жуткий сказочный народ: "Была ли это панина неисполнимая фантазия или существовали хабясы в поверьях русского народа?" Очевидно, они не составляли выдумки Леонида Андреева, потому что я в детстве тоже слышал про *хабясов* (я их себе представлял как существа с одною головою, от которой прямо росли руки и ноги); и вряд ли они пришли из фольклора. Более правдоподобно, — из литературы; возможно из детской. Интересно, не знает ли кто из читателей?

Финские сани, упоминаемые тут как нечто редкое, — в мое время были широко распространены; хотя я никогда не слышал, чтобы их называли *поджукелками*. Знакомы мне и описываемые В. Андреевой безымянные цветы: "Желтые, нежные... которые растут на сырых тенистых лугах, — у них круглые головки, и лепестки завернуты внутрь, как у маленьких брусельских капусток". У нас их называли *балаболки*. Природа Финляндии, конечно, довольно близка к таковой Ленинградской Области, где протекало мое детство.

Язык автора, главным образом во второй части, производит несколько странное впечатление смешением вполне доброкачественного слога старой интеллигенции со сверхмодерными советизмами типа *напрочь* (вместо "начисто"), *ухожетный* (вместо "холеный") и, особенно, ужасного прилагательного *раскованный*. Смешивать и словечки, впрочем нам вполне привычные, как *металлолом* и *утильсырье*, когда автор (по рассеянности?) их пускает в ход, перенося в свою прежнюю жизнь, — во Франции или в Италии. В них

звучит как бы предвещание иного, страшного периода ее существования, в советских условиях (о котором она нам ничего не рассказывает). В своем роде, *тебя грядущего*...

Скитаясь галопом по Европам, Андреева встречала немало интересных людей: Цветаеву, Бальмонта, Вертинского. Но она о них говорит коротко и, опасаясь, с налетом просоветской тенденции. О Цветаевой (о которой у нее сказано относительно больше, чем о других), она справедливо отмечает: "Она резко отличалась от обыкновенных женщин и внешностью, и этой неуловимой печатью божественного духа, которую я видела на ее лице".

Несколько зловеще выглядит появляющаяся время от времени фигура *бабеньки*, — бабушки Веры со стороны матери, — старой большиевички, посылавшейся за границу в загадочные *командировки*...

Вся книга проникнута острой ностальгией по *Дому на Черной Речке*, приюту счастливых дней, и посейчас посещающему писательницу во сне. Между прочим, разрушение этого дома у нее изображено несколько раз, — и по разному. Но это легко понять. Сам дом для читателя перерастает в некий символ, в образ всего, что каждый из нас утратил.

И все же! Мы хоть обрели, и пока сохраняем, свободу. А не приведи Бог, как бедной Вере Андреевой, попасть в лапы теперешним властителям нашей родины.

В. Войнович. "Москва 2042" (Анн Арбор, 1987).

Читая в форме отдельной роскошно изданной книги роман, знакомый нам раньше по отрывкам, печатавшимся в журналах, мы убеждаемся, что это — прежде всего насквише на Солженицына; полет в будущее пристегнут к нему более или менее случайно. Просвечивают явно и побуждения автора: гложущая его зависть к удачливому коллеге (ибо где же Войновичу равняться с

Солженицыным?).

Пасквиль, как всякий roman à clé, особенно касающийся выдающегося человека, интересен в той мере, в какой отражает реальность. Но об этой мере как раз нелегко судить: фантазия писателя все время увлекает его слишком далеко. Был ли он вообще знаком в России с Александром Исаевичем, ездил ли и впрямь к нему в гости в Вермонт?

Можно поверить, что в имении Солженицына есть русская баня, и что у него за столом пьют квас, а спиртное не принято. Но рядом, — голая и вовсе неправдоподобная выдумка, с описанием нелепых церемоний и гротескных типажей. А когда Войнович хочет высмеять своего великого противника, то сразу садится в галюшу. В словах Карнавалова (под каким именем выведен Солженицын): "Запад отдает заглочникам страну за страной, железные челюсти коммунизма уже подступают к самому нашему горлу и скоро вырвут кадык", — нет ничего глупого; они являются горькой правдой.

Впрочем, вообще вся пародия не удалась. Ведь, если вдуматься, — получается совсем не то, что Войновичу хотелось бы сказать и доказать! Через 60 лет большевизм гибнет, и Карнавалов въезжает в Кремль на белом коне... Переводя язык символов на обычный публицистический, — идеи Солженицына восторжествуют, ибо правы.

Не так плохо и то, что делает Карнавалов (или, вернее, что он позволяет сделать освобожденному народу): видных чекистов вешают, сексотам рубят головы, а рядовым коммунистам предписывается сдать партбилеты и пройти церковное покаяние.

Или возьмем нижеследующие наблюдения, вложенные в уста московского чекиста в 2042 году: "Монархическая идея очень даже жива и популярна. И вот если вы внимательно присмотритесь к нашим коммуниам, вы признаете в их глазах надежду на то, что когда-нибудь монархия будет восстановлена". Спрашиваешь себя: не говорит ли Войнович о подсоветских гражданах *наших дней*? Мы знаем, что он-то сам — убежденный враг монархического строя; но о настроениях в СССР он, вероятно, хорошо осведомлен. Скорее всего, он их, неумышленно, тут и выбалтывает...

Как известно, неудачный свидетель обвинения часто бывает обвиняемому полезнее, чем свидетели защиты. Так что, — нам, в общем и в целом, остается сочинителя поблагодарить. Недаром, победив и прийдя к власти, Карнавалов его, ползающего во прахе перед новым властителем, великодушно прощает, хотя и говорит ему: "Ты написал много чепухи. И в отношении меня допустил много похабства".

И уж совсем верно он Карнавалову, сиречь Солженицыну, отвечает: "Вас разве вычеркнешь! Вас и топором-то не вырубил. Это заглочки думают, что, кого хочешь, можно в историю вписывать, а кого хочешь, выписывать. А я-то знаю, что это никак невозможно".

Будем надеяться, что Солженицын его и в жизни простит. А мы, русские монархисты, — прощаем.

На обложке представлен Солженицын верхом на коне, поражающий копьем пятиглавого большевистского дракона. Картинка — превосходная; ее бы размножить в виде плаката, и каждый из нас охотно повесит у себя на стену.

Владимир Рудинский

В первую годовщину смерти моего любимого мужа

† ГЕРГИЯ НИКОЛАЕВИЧА ПАВЛОВСКОГО

в пятницу 26 июня с. г. в 19 часов в храме Св. Владимира (улица Сан Мартин 344, Вижа Бажестер) будет отслужена панихида, о чем сообщает вдова.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ В АВСТРАЛИИ

Начиная с 1-го апреля с. г., цена за один номер "Нашей Страны" в Австралии в 0,80 австралийских долларов была изменена на 0,80 американских долларов. Это изменение фигурирует с указанного числа среди цен на газету в подвале на 4-ой странице.

Для этого изменения, вернее перехода с одной валюты на другую, было две причины:

1. В Аргентине все получаемые чеки и "моной ордера" приходится менять на, так называемом, "параллельном рынке", так как на официальном рынке за иностранную валюту выручка — приблизительно на 30 % меньше. Однако, на этом "параллельном рынке" австралийские доллары, не только очень трудно обменять, но даже и в случае, если такой обмен удастся, то за один австралийский доллар выручается, приблизительно, на 40 % меньше.

2. "Наша Страна" никак не может выдержать такого снижения цены для своих подписчиков в Австралии, так как почтовые расходы по пересылке газеты в эту страну являются самыми большими из всех стран, в которые идет газета. Конкретно, почтовый тариф в Австралию приблизительно в два раза больше, чем почтовый тариф в США. Издательство же просто не может получать на 40 % меньше за номер, пересылка которого обходится вдвойне.

Издательство "Нашей Страны" уверено, что все подписчики в Австралии прекрасно поймут вышеуказанное.

В. ЛЕНИН

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ КООПЕРАЦИИ

Цель этой статьи показать как кооперация в союзе с НЭПом спасли Советский Союз от гибели и как они, будучи до конца использованы, были потом безжалостно уничтожены и забыты. Так в басне Крылова поступил волк с журавлем, который вытащил из его пасти кость и спас его от гибели. "Будь благодарен, — сказал волк журавлю, — что я не сожрал твою дурную голову, когда она было в моей пасти".

Так точно поступила советская власть с НЭПом и кооперацией после спасения ее от гибели. Да не только это, а вообще все хорошее, что было в прошлом, эта власть не любит вспоминать. Поистине у нее волчья память.

О НЭПе я уже писал (см. "Н. С." Т. 1906), а теперь решил рассказать какую роль играла кооперация до революции и как она спасла голодную страну после гражданской войны и голода.

Столытинские реформы пробудили сельскую деревню. Общинный муравейник зашевелился. Отмененная круговая порука дала возможность крестьянам проявлять личную инициативу и найти путь к лучшей жизни. Скучая помещичью землю и добавляя к своей, крестьяне любовно ее обрабатывали и добиваясь лучшей жизни быстро богатели.

Рост зажиточности побудил крестьян к замене устаревших деревянных сох и борон, металлическими плугами и бородами, а вскоре понадобились сеялки, молотилки, жнейки и прочий нужный инвентарь. Одновременно с повышением урожайности и расширением других отраслей хозяйства, на очередь встала другая, тоже важная, проблема, — сбыта излишков зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Раньше действовали посредники-спекулянты и по низким ценам скупали все, наживая на этом большие прибыли.

Эти две проблемы сбыта и снабжения привели к мысли создать свою организацию, которая избавила бы крестьян от плетворного влияния частного капитала, обращая все накопления на улучшение их материального положения.

Такой организацией и явилась кооператив, который позже охватила все стороны крестьянской жизни, способствовала всестороннему подъему и благополучию деревни. Залогом успеха была помощь государства, оценившего инициативу крестьян и их желание освободиться от посредников-спекулянтов. Кооперативная деятельность стала расцветать и, как мы увидим ниже, дала поразительные результаты.

Всех видов кооперации было много. Они развивались и росли в зависимости от условий той или иной местности и способности самих крестьян. Большое распространение имели кустарные ремесла. Возникли промысловые артели и кооперативы.

Промышленные кооперативы только нарождались, причем исключительно по инициативе царского правительства и государственных кредитов. Она обещала стать самой важной отраслью, способствующей подъему зажиточности крестьян. В первую очередь намечалось изготовлять сельско-хозяй-

ственные машины, оборудование и инвентарь, которые раньше закупались в Германии и Америке. Нужда в них увеличилась по мере того как успешно проводились в жизнь столытинские крестьянские реформы.

С появлением излишков хлеба начали строить элеваторы. Этот вид, самый главный, хлебной торговли, выводился из области частной торговли и полностью переходил в кооперацию.

В Сибири все молочное хозяйство находилось в руках кооперации. Объединял ее Сибирский Центросоюз. Кооперативы имели свои маслозаводы и сыроварни. Сибирское масло в большом количестве вывозилось во все большие города Европы.

В богатых хлебных районах кооперативы строили свои мельницы, маслобойные заводы и ремонтные мастерские. Кооперативы способствовали также организации агрономических станций с целью улучшения пород зерна и повышения урожайности.

Но самым распространенным видом кооперации были потребительские магазины-лавочки, или как их в деревнях звали "потребилки". В этих потребилках было все, что нужно крестьянам: от чая, сахара и соли до лопат, топоров, вил и даже керосина для ламп. Были случаи, когда кооперативы открывали библиотеки в селе, где читались лекции на агрономические темы и по религиозно-нравственному образованию.

По мере того как жизнь выдвигала новые проблемы, как например, развитие пчеловодства, садоводства, животноводства и т. д., кооперативы немедленно проводили их в жизнь.

С каждым годом увеличивалась торговля с границей и возникла необходимость иметь свой торговый флот. Отправка хлеба, масла, меда, шерсти, кожи, яиц, льна и других сельскохозяйственных продуктов, а также привоз машин и оборудования и других товаров — все это производилось зафрахтованными судами и обходилось очень дорого.

Был еще грандиозный проект "Кооперирования Лесного Хозяйства Заволжья", где громадные лесные массивы между Волгой и Уралом преобладали почти нетронутыми. Предполагалось лес рубить и плотами спускать по течению рек Белой, Камы и Волге; ниже Царицына построить два-три лесотильных завода и готовый пиленный материал отправлять в безлесные южно-русские степи — во Ставропольскую губернию, Донецкую область и Таврию. А также, в непосредственной близости к населенным пунктам устроить склады и с них отпускать пиленный материал крестьянам по сходной цене и тем самым освободить их от услуг спекулянтов, зарабатывавших на этом огромные барыши.

Было замечено, как кооперативный капитал постепенно заменял частный капитал, сосредотачиваясь в кооперативных банках. В совокупности, все виды кооперации в России способствовали увеличению зажиточности крестьян и в то же время укрепляли мощь и богатство государства, что оправдывало политику Столытина, ска-завшего однажды в Государственной

Думе: — "Будь здоровы и крепки корни (крестьяне) у государства, поверьте — и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и всем миром". Можно смело утверждать, что столытинские реформы вызвали к жизни кооперативную деятельность и они вместе двинули Россию к прогрессу и славе.

Но вот в России произошла революция и триумфальный путь к светлому будущему был неожиданно прерван. Захватив власть большевики пошли по иному пути — не к богатству и славе, а к коммунизму. Вместо столытинской ставки на сильных, была сделана ставка на негодных и власть на селе оказалась в руках деревенской бедноты. Недовольство крестьян вылилось в гражданскую войну.

С первых же дней большевики ввели террор и с помощью ЧЕКА в городах, селах и деревнях проводили в жизнь свою антинародную политику. Эта система власти была названа "военным коммунизмом". В результате, страна доведена до грани катастрофы: крестьяне окончательно разоренные разными поборами и грабежами, превратились в нищих.

Убедившись в том, что обогащение крестьян в прошлом способствовали частной собственности и инициативе и помощь кооперации, большевики решили и теперь использовать этот опыт. Этот вынужденный выход из положения был назван Лениным Новой Экономической Политикой (НЭП). Крестьяне, не подозревая в этом злое умысла, с радостью встретили НЭП, и в надежде вернуться к прежней зажиточной жизни, дружно взялись за работу. И уже в короткое время результаты превзошли все ожидания. Частная инициатива без партийного надзора и невмешательства "комитетов бедноты", убедила многих в ее преимуществах перед социалистической системой хозяйствования.

Почти одновременно с НЭПом началась кооперативная деятельность — этот важный и необходимый спутник крестьянской жизни. Они совершили чудо. Страна оживила и начала приближаться к революционному времени. Когда успехи НЭПа и кооперации были налицо, Ленин был вынужден оценить этот эксперимент и в числе других мероприятий в целях оздоровления страны после военного коммунизма, указал на кооперирование всего населения. А Бухарин, уже после смерти Ленина, заявил: "мы через кооперацию приведем крестьян к социализму", "кооперация есть столбовая дорога к социализму!" Отсюда видно какое значение придавалось кооперации, как средству поднятия экономического положения пришедшей в упадок страны. Только с помощью кооперации стало возможным вывести страну, доведенной гражданской войной и голодом до грани катастрофы, из тупика.

Даже анархисты примкнули к кооперации и заняли в ней ведущее положение. Объясняется это следующим образом. Анархические идеи мало чем отличаются от коммунистических и поэтому сразу же после революции анархисты примкнули к большевикам и стали их попутчиками. Они принимали активное участие в гражданской

войне, чаще всего на стороне Красной армии. Когда же война закончилась и НЭП в союзе с кооперацией дали возможность оздоровить жизнь, в первую очередь крестьян, анархисты узрели в этом удобный момент осуществить свою программу, "кооперировать" сначала крестьян, а затем рабочих в городах и остальное население России. Кооперативные учреждения рассматривались ими как органы будущей власти. Они считали, что общество можно перестроить с помощью кооперации — снизу, не по указанию центральной власти, а путем народного строительства.

Новым в период НЭПа произошло объединение разных отраслей кооперации в одном предприятии, названным "Универсальным Кредитом — сельскохозяйственным Товариществом". Для удобства крестьян эти три функции — снабжения, сбыта и торговли были сосредоточены в одном месте. Теперь здесь оформлялись ссудные операции, принимались вклады и паевые взносы. Здесь происходили расчеты за сданную продукцию.

Потребилки, по возможности открывались в каждом населенном пункте. В них впервые за шесть лет крестьяне имели возможность купить мануфактуру, топоры, вилы, лопаты, чай, сахар, соль, семянку и другие нужные крестьянам товары. И надо было видеть с каким любопытством они переступали порог магазина и как зачарованные смотрели на расставленные на полках товары, и не веря своим глазам дивились: "как это вдруг все появилось в селе. Ведь так было только при царе", — говорили они друг другу. "Неужели и теперь так будет? Слава Богу дождалась!" — высказывали они вслух свои мысли. Но никто не ведал, что в скором времени исчезнут все магазины и товары в них, а сами крестьяне превратятся в бесправных рабов коммунистической власти.

В то время когда сельское хозяйство, вернувшись к старым довоенным принципам личной заинтересованности и частной инициативы, прогрессивно шло вперед, достигнув 70 % довоенного уровня, в городах же национализированная и обобщественная промышленность далеко отставала едва достигая 30 % довоенного. Многие члены партии предлагали перейти к частично-капиталистическому развитию промышленности, на основе личной заинтересованности и предприимчивости. Более сознательная часть правящей верхушки партии во главе с Бухариным, встав на этот путь, создали "Доктрину правого коммунизма" с паролем обогащения крестьян. Противники этого течения составляли оппозицию, видя в нем расширение и оживление капитализма; они отвергали позицию "правого коммунизма".

Но жесткая борьба между двумя течениями в партии закончилась разгромом правого уклона. Путем интриг, с помощью своих единомышленников Молотова, Кагановича и других, партию возглавил Сталин. Теперь, расправившись со своими соперниками Сталин объявил борьбу крестьянам. Нашелся и повод: крестьяне, разгадав политику партии — за их счет содержать убыточную про-

мысленность, путем монопольных цен на товары — ответили отказом славать государству хлеб по твердым ценам.

Партия же вместо того, чтобы пойти навстречу законным требованиям крестьян и снизить цены на промтовары и улучшить этим снабжение, стала на путь насильственного изъятия хлеба по твердым ценам, то есть возвратилась к методам военного коммунизма. Тысячи чрезвычайных уполномоченных рассылались по хлебным областям страны и с помощью восстановленных крестьянских "комитетов бедноты" начали выкачивать хлеб из деревень. Скоро стало ясно, что выкачивание хлеба явилось лишь подготовкой к сплошной насильственной коллективизации крестьян и превращению их в государственных рабочих.

Государство встало на путь спекуляции товарами первой необходимости и тем самым снижала их прожиточный минимум. В кооперативные магазины перестали завозить необходимые и нужные товары и скоро около них с утра до вечера стояли длинные очереди баб за гнилой рыбой и черным неперпеченным хлебом. Прекратилась работа и в универсальных сельскохозяйственных товариществах, так как о поднятии зажиточности крестьян перестали думать: это не входило в программу партии. Крестьяне очень скоро разочаровались в своих надеждах и повернулись спиной к власти; они не хотели быть дойной коровой для покрытой нерентабельной и дорогостоящей национализированной промышленности.

Но вот неожиданно, как и в каппанию по выкачке хлеба в деревнях, появились те же чрезвычайные уполномоченные, а в некоторых опасных местах и с карательными отрядами и началось одновременно раскулачивание зажиточных крестьян и вовлечение остальных в колхозы. Нормальная жизнь в селе была нарушена. Одновременно закрылись церкви, закрывались базары и частные лавочки, перестала работать и кооперация. Все средства, накопленные в кооперативных банках были обращены на индустриализацию. Все вклады и сбережения пайщиков перешли в собственность государства. Кооперация умерла. Заботу о населении взяла на себя партия, которая скоро превратила всех в нищих.

ВЫВОДЫ

Путь, пройденный кооперацией, убеждает нас в том, что она есть всемогущая сила, способная быстро поднять экономическое положение государства, находящегося в самом критическом состоянии. В принципе этого движения положена свободная инициатива, не скованная никакими партийными уставами и социалистической утопией. В кооперации лучшим образом сочетаются индивидуальные способности с коллективной самостоятельностью и вместе они ведут к достижению общих интересов. И только поэтому кооперация дала блестящие результаты как в прошлом, так и за пять лет

существования НЭПа.

В будущем, несомненно кооперации принадлежит выдающаяся роль в русской жизни. Какой бы Новая Россия не стала, она должна немедленно принять в основу жизни кооперирование населения. Кооперация в чистом виде необходима государству, где частная инициатива должна играть главную роль в жизни. А в сельском хозяйстве она является неотъемлемой ступицей и движущей силой в устройстве благополучия крестьянства. К тому же сельское хозяйство признается одной из важнейших сторон народного хозяйства. Мы видим к чему привело отсутствие должного внимания к сельскому хозяйству в СССР. И в промышленности с помощью государства будут кооперированы многие предприятия, особенно в пищевой промышленности и других предприятиях по обслуживанию населения.

Капиталы созданные руками трудящихся должны концентрироваться в кооперативных областных банках и в центральном всероссийском банке. Кооперативные средства не должны служить наживной разны финансовых спекулянтов и биржевых дельцов. Периодически доходы банков и предприятий должны распределяться членам пайщикам кооперативных организаций. Но никаких акций не должно быть. Три вида банков должно остаться в Новой России: государственных банк, промышленный банк и кооперативный банк.

Если для Бухарина кооперация является столбовой дорогой к социализму, а для Бакунина и Кропоткина дорогой к анархизму, то для нас кооперация в Новой России станет способом к достижению лучшей зажиточной жизни каждого и к богатству нашего государства.

В этом и есть социальное равновесие, о котором ратует А. Федосеев. При кооперировании почти всего или большинства населения достигается трудовая самостоятельность и общая коллективная заинтересованность.

Причем, лучшей формой правления, при которой кооперация будет пользоваться как финансовой, так и моральной поддержкой и сочувствием государства будет народная монархия. И если Новая Россия встанет на этот исторический путь, ее будущее будет гарантировано от всяких потрясений.

В. ЛЕШИН

О ПЕЧАТКИ

В отделе "Печать", в № 1920, имя венецианского дожа Фальеро один раз было напечатано неправильно: Фальеро (в 6-ой строчке 3-го абзаца). Хотя ниже, в 11-ой строчке 4-го абзаца, оно напечатано правильно: Фальеро.

В "Политическом калейдоскопе" в № 1922, по ошибке было напечатано:

"Повидимому, некоторые израильские функционеры были в состоянии облегчить конфликт представителей США с представителями Ирана".

Конечно, следует читать: "облегчить контакт".

ПЕЧАТЬ

КОЩУНСТВО

В "Русской Мысли" от 15 мая с. г., в статье "Мартовские волнения в Ленинграде", Ю. Колкер выражает пожелание: "Очень хочется благотворных перемен. Хочется, чтобы вконец запуганный народ и напрочь изолгавшаяся власть наконец-то подружились и рука в руке пошли дорогой бытия..."

Ну уж нет! Этого нам совсем не хочется! Мы желаем русскому народу освобождения от навеки им и Богом проклятого большевизма с его кровавыми ужасами и его — самим же г-ном Колкером отмеченной — лживостью. Примирение с Сатаной, предание своей души Духу Зла, явилось бы величайшим несчастьем. За то, что часть нашей нации и на время Соблазнительно поверила, — какую страшную цену мы все до сих пор расплачиваемся!

Типун иерусалимскому корреспонденту "Антирусского Недомыслия" на язык! И пусть, по слову расстрелянного советской властью Гумилева:

Замкнуты богохульные уста,
призывающие россиян вступить на
гибельный, непоправимый путь
греха и преступления.

ШИП ПО-ЗМЕИНОМУ

В том же номере статья, подписанная В. П., под крикливым заглавием "Защита русской культуры или борьба с "жидо-масонами"?", продолжает знакомую уже нам тенденцию парижского русскоязычного еженедельника шельмовать охранителей памятников родной

страны (в ряды которых, понятно, вливаются в массу здоровые анти-советские и патриотические элементы подъяремного населения СССР), пришивая им удобный ярлык антисемитизма. Между тем, из самой же статьи, описывающей собрание общества "Память" в Москве 27 марта с. г., видно, что председатель, архитектор В. Виноградов, на вопрос из публики: "Правда ли, что среди разрушителей Москвы и авторов плача поворота рек большинство — евреев?", ответил, что "среди них есть и представители других национальностей, в том числе, к сожалению, русские". Уточнив тут же, что: "Национальность — не главное".

Какой же тут антисемитизм? И, спрашивается, как же бы мог Виноградов сказать, что мол евреев среди виновных не было, когда всем известно обратное?

Главный герой для загадочного В. П., оказывается — Н. Эйдельман (печально нам уже известный!). О котором он выбалтывает, что его публичные выступления редко теперь обходятся без *обструкции*. Слушатели ему кричат: "Натан Яковлевич, о наших национальных святых не вам говорить!" Что же, кричат они, безусловно, справедливо. Дело не в том, что Эйдельман еврей (увы! Синявский, например, ведь русский!), а в том, что он громко выразил свои презрение и ненависть к русскому народу. Было бы позором, если бы русская

аудитория его появление на кафедре встречала аплодисментами...

ОТВЕРЖЕННЫЙ БОГОМ

Как выражение подлинных и подслудных устремлений газеты склонны мы рассматривать опубликование очерка (почему-то названного тут рассказом) В. Шаламова "Мария Вениаминовна, любительница стихов", насыщенного мерзким воинствующим атеизмом и гнусным безбожничеством: молитву "Отче наш" писатель глумливо именует *верлибром*, и гордится, что не знает наизусть.

Истинно, "все записано в книге судеб"! Жизненный путь Шаламова, прошедшего долгие годы в концлагере, сходен с путем Солженицына, но вот, — один подымался, другой опускался; один пришел к Богу, у другого только еще разгорелся антирелигиозный накал! Лучше бы для его памяти, — такие его сочинения, как данное, не перепечатывать (да еще в периодическом издании, для широкой публики...).

КРОВАВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ АМЕРИКИ

Наоборот, с живым одобрением и с искренней признательностью авторам отметим статьи Г. Суперфина "Дело Карла Липпаса" и Барбары Эймел "Что же с нами случилось?" (последняя, впрочем, перепечатана, в переводе, из газеты "Таймс"). Чудовищная выдача большевикам эстонца Липпаса, заочно осужденного в СССР на смертную казнь, является, как показывает Суперфин, юридически неправильной. Между прочим, она составляет как бы признание (до сих пор официально не сделанное Соединенными Штатами) законности апексии большевиками Прибалтики. Логическим выводом должна бы послужить поголовная депортация укрывшихся в Америке бывших граждан Эстонии, Латвии и Литвы.

Б. Эймел больше останавливается на человеческой, — то есть анти-человеческой и бесчеловечной, — стороне данного позорного для США акта. Но помимо того, она еще и чрезвычайно метко и точно раскрывает причины, побуждающие большевиков добиваться подобных выдач: "Ведь на Западе живут большие этнические общины людей из Прибалтики и с Украины, которые больше, чем кто бы то ни было, знают о советской действительности. Понятно, что советские власти стараются дискредитировать эти общины, запугать их, отрезать от окружающих". Да, действия советских властей понятны. Но как назвать таковые североамериканцев? Как охарактеризовать их возврат к ужасам Кемптена и Дахау? Нет слов таких в языке, чтобы обозначить их самоубийственную глупость и их безмерную жестокость. Мы-то, увы, лишь бессильные свидетели творимых ужасов. Но Бог видит все, и воздаст злодеям полною мерой.

В. Р.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. Цены за экземпляр газеты:

Австралия - 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 0.60 австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выставляются на Miguel Kireeff. Просьба не делать банковских и почтовых денежных переводов. "NASHA STRANA" -

"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18 de setiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 - 11, 1430 Bs. As.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. No. 4233
• Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. No. 3980